

УДК. 130.3

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-153-168

РОЛЬ ТЕОЛОГИИ В ВОЗРОЖДЕНИИ ПОДЛИННОГО ПРИЗВАНИЯ УЧЁНОГО

Седанкина Т. Е.*Российский исламский институт**420079, г. Казань, ул. Газовая, д. 19, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. В настоящее время наблюдается тенденция к профанации некоторых сфер деятельности, ранее считавшихся сакральными. К сожалению, одной из них стала наука. Следует также констатировать, что призвание учёного, воспринимаемое ранее как особый экзистенциальный дар, миссия, теряет свой изначальный высокий смысл. В представленной работе рассматриваются причины исчезновения духа науки, её демистификации, одной из которых, на наш взгляд, является потеря связи с живой традицией, восстановить которую способна теология как наука, являющаяся носителем непосредственной традиции, а потому, призванная стать мостом, соединяющим сакральное и профанное, вдыхая дух в современную научную мысль, предлагая отточенную веками систему координат, основанную на высших принципах морали и нравственности, способствуя возрождению подлинного призвания учёного.

Процедуры и методы. На основании анализа литературы, а также опыта как собственной научной деятельности, так и руководства научными исследованиями теологов автором предпринята попытка нового осмысления идей философов-идеалистов, традиционалистов, богословов и теологов разных веков и религиозных традиций относительно особой миссии учёного и подлинных целей науки, раскрывающих новыми гранями смыслы евангельских притч и мусульманских хадисов.

Результаты. Изучение опыта прошлого сквозь призму настоящего даёт осознание возможности и необходимости привнесения из религиозного поля в поле академическое ценностно-смысловых оснований благодаря посреднической роли теологии как науки, способствующей возрождению подлинного призвания учёного и возвращению науке её сакральных смыслов.

Теоретическая и/или практическая значимость. В работе выявлены пять проблем, являющихся, по мнению автора, причиной утраты учёными звания «соли земли» и «наследников пророков», представлены возможности теологии, её духовно-нравственного потенциала и мировоззренческого фундамента в решении каждой из указанных проблем, а также рассмотрены условия, соблюдение которых позволит теологии внести свой вклад в восстановление изначальных смыслов. Считаем, что предложенный подход возможно экстраполировать в другие научные сферы в качестве специального компонента общей системы воспитания молодого исследователя.

Ключевые слова: духовный кризис современной науки, десакрализация науки, дух науки, дух живой традиции, образ подлинного учёного, «наследники пророков», призвание, миссия, экзистенциальный дар, теология, теолог-исследователь, поклонение

THE ROLE OF THEOLOGY IN THE REVIVAL OF THE TRUE VOCATION OF THE SCHOLAR

T. Sedankina*Russian Islamic Institute**ul. Gazovaya 19, Kazan 420079, Russian Federation*

Abstract

Aim. At present there is a tendency to profanation of some spheres of activity formerly considered sacred. Unfortunately, science has become one of them. It should also be stated that the vocation of a scientist, previously perceived as a special existential gift, a mission, is losing its original high meaning. In the presented work the reasons of disappearance of Spirit of science, its demystification are considered, one of which, in our opinion, is the loss of connection with the living tradition, which can be restored by theology as a science, which is a carrier of direct tradition and, therefore, called to become a bridge, connecting sacred and profane, breathing Spirit in modern scientific thought, offering the system of coordinates honed by centuries, based on the highest principles of morality and ethics, promoting revival of the real vocation of a scientist.

Methodology. Based on an analysis of the literature, as well as on our own experience of scholarly activity and leadership in scholarly research, the author attempts to reconsider the ideas of idealist philosophers, traditionalists, theologians and theologians from different centuries and religious traditions concerning the specific mission of scientists and the true goals of science, by demonstrating the meaning of evangelical parables and Islamic Hadiths.

Results. Studying the past through the prism of the present enables us to realize the possibility and necessity of introducing the field of values and meaning from the religious to the academic field, thanks to the intermediary role of theology as a science which helps revive the real vocation of science and gives back to science its sacred meanings.

Research implications. In article five problems which, in opinion of the author, are the cause of loss by scientists of a rank “Salt of the Earth” and “Heirs of prophets” are revealed; possibilities of theology, its spiritual and moral potential and world outlook basis in the decision of each of the specified problems are presented, and also the conditions the observance of which will allow theology to make the contribution to the restoration of original senses are considered. We believe that it is possible to extrapolate the proposed approach to other scientific fields as a special component of the general system of education of a young researcher.

Keywords: spiritual crisis of modern science, desacralization of science, spirit of science, spirit of living tradition, image of the true scientist, “heirs of the prophets”; vocation, mission, existential gift, theology, theologian researcher, worship

Введение

В настоящее время наблюдается тенденция к профанации некоторых сфер деятельности, считавшихся ранее сакральными, возвышающими, пробуждающими дух и доступными лишь избранным ввиду особого статуса. Одной из таких сфер является наука, приверженцы которой ещё недавно приравнивались к высшей жреческой касте¹, для которых «мысль, обращённая к высшему знанию, была значительно важнее прагматических целей» [8,

с. 82, 90, 139], а служение истине являлось одной из форм поклонения, сравнимого с безусловной формой героизма, выражающейся, по мнению Юлиуса Эволи (1898–1974), в готовности учёного «без сожаления жертвовать своей жизнью ради великой идеи, не заботясь о своей личности, так как он являет собой не жизнь и не личность, но нечто причастное сверхиндивидуальному и сверхвременному началу» [33, с. 161, 391]. Одной из причин «профанации», на наш взгляд, является утрата современным обществом духовного измерения, сакрального начала, хранящего «дух Традиции», о чём довольно отчётливо заявляют философы-традиционалисты. Ананда Кумарасвами (1877–1947) убеждён, что «в традиционном обществе любая, даже обыденная деятельность становится

¹ Вебер относил к первым интеллектуальным профессиям шаманов и жрецов – «тех, кто знает», первых профессионалов в интеллектуальной сфере, изначально «слышащих призыв», испытывающих нечто вроде религиозного обращения, дающего возможность претендовать на свой статус, полагаясь на личную когнитивно-экзистенциальную настроенность [12, с. 20].

частью Пути, в таком обществе нет ничего «профанного»; противоположность чему мы наблюдаем в светском обществе, где нет ничего святого» [14, с. 138]. Мартин Хайдеггер (1889–1976) также полагал, что «отличительной чертой нынешней эпохи и её единственной бедой является закрытость к священному измерению» [29]. Рене Генон (1886–1951) видит возможность возвращения науке своего первоначального статуса посредством возрождения в ней высшего Принципа: «Любая наука может стать сакральной, вобрав в свой арсенал высшее, “анагогическое” значение – более глубокое, нежели то, которая она имеет сама по себе» [8, с. 19]. Учитывая предостережения И. В. Дёмина о «соблазне рассматривания интегральной традиционалистской метафизики Генона сквозь призму фундаментальной онтологии Хайдеггера и наоборот» [10, с. 2], мы не ставим данной цели, но благодаря сопоставлению точек зрения выдающихся мыслителей различных направлений и школ, пытаемся выявить возможные причины утраты истинного призвания учёного, изначальной подлинности её миссии и пути выхода из этого тупика.

Для этого вначале обратимся к исследованиям советских и российских философов, специалистов по теории познания Н. Н. Трубникова (1929–1983), А. Л. Никифорова (1940), И. Т. Касавина (1954), а также группе исследователей, участвующих в проекте РФН «Миссия учёного в современном мире: наука как профессия и призвание», таких как А. Ю. Антоновский, И. Т. Касавина, Е. В. Масланов, О. Е. Столярова, Л. А. Тухватулина. Далее проанализируем опыт прошлого в контексте настоящего, для чего рассмотрим изречения известных философов и теологов относительно призвания учёного: Иоганна Фихте (1762–1814); Фридриха Шлейермахера (1768–1834); Макса Вебера (1864–1920), Гордана Олпорта (1897–1967), Рене Генона (1886–1951); Юлиуса Эвола (1898–1974), Ананды Кумарасвами (1877–1947); Мартина Хайдеггера (1889–1976); Пауля Тиллиха (1886–1965); Гранта Осборна (1942–2018); Кевина Ванхузера

(1957). В заключение на основании анализа идей вышеназванных исследователей и собственного опыта автором перечислены причины проблем, связанных с утратой истинного понимания понятия «призвание учёного», и предложены некоторые пути выхода из сложившейся ситуации благодаря теологии как науке, её духовно-нравственному потенциалу и мировоззренческому фундаменту.

Причины утраты истинного призвания учёного

Говоря о духовном кризисе современной науки, Н. Н. Трубников (1929–1983) отмечал, что он является «симптомом общего духовного кризиса» [25, с. 295], а потому предлагал искать выход не только в пересмотре научной парадигмы с привнесением в неё духовно-нравственного компонента, но и в переосмыслении самой морали, нравственности, культуры в целом. «Решение следует искать не в самой науке, не в том, чтобы сочетать науку и нравственность узами брака, а в том, чтобы сделать моральной саму нашу мораль, и нравственной саму нашу нравственность, сделать цивилизованной нашу цивилизацию, культурной нашу культуру» [25, с. 295]. Н. Н. Трубников отмечал, что современная наука потеряла «право на роль высшей инстанции человеческого духа», критерии научности, чётко очерчивающие границы научного и вненаучного знания, «утратили достоинство высшего критерия в нравственном, мировоззренческом, и общегуманистическом смысле» [25, с. 281], а сам учёный лишился «ореола святости», являющегося показателем бескорыстного служения истине, которая сама со временем стала обретать черты архаичности, ввиду её многомерности, неоднозначности и недостижимости, в отличие от чётких прагматичных целей современной науки, довольствующейся лишь достоверным, конструктивным, приносящим сиюминутную пользу знанием.

Продолжая идею исчезновения из науки духа – наиболее ценного, чем она первонач-

чально обладала, А. Л. Никифоров (1940) очерчивает возможные причины происходящего: «очищение» научного поля от «проникновения в него спекулятивной метафизики»; освобождение методологии от «сомнительных», слабо верифицированных субъективных переживаний исследователей (мистические озарения, личный мистический опыт), что несомненно ведёт к приземлению исследовательского полёта мысли и приданию ей «твёрдой почвы» [19, с. 298].

Словосочетание «твёрдая почва», используемое А. Л. Никифоровым, переносит наше внимание к фразе К. Маркса касательно диалектики Гегеля: у него «диалектика стоит на голове. Надо её поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно» [2, с. 132]. Как пишет французский философ-марксист Луи Пьер Альтюссер (1918–1990), метафора «поставить на ноги» (в нашем случае «придать твёрдую почву») указывает на необходимость «упразднения мистификации» (т. е. самой идеи, заложенной Гегелем в своё учение). Причём для её инверсии (переворачивания) «недостаточно отделить её от первого облачения (т. е. системы). Следовало освободить её и от той второй оболочки, которая срослась с её телом, которая является (не побоюсь этого выражения) её собственной кожей, неотделимой от неё самой, которая является гегельянской вплоть до самых оснований (Grundlage)» [2, с. 134]. В результате операции демистификации (извлечения духа учения), диалектика Гегеля перестала быть гегельянской и стала марксистской» [2, с. 132]. Нечто подобное произошло и с понятием «душа», первоначально вынесенным психологией «за скобки» с целью сохранения научной методологии, а затем и вовсе забытым, став «тенью собственной тени» [5, с. 9]. Приведённые примеры, на первый взгляд несколько уводящие нас от заявленной темы, демонстрируют, каким образом из различных научных теорий может изыматься её суть с целью «приземления», «очищения», «интеллектуализации», «расколдовывания», лишая тем самым на-

уку её подлинного духа. Несмотря на неимоверное усердие науки по демифологизации, устранению разного рода суеверий и предрассудков, а также по укреплению уверенности в том, что всё можно понять рациональным путём (в чём и заключается расколдовывание), А. Л. Никифоров приходит к заключению, что это «не позволило учёным обнаружить ответы на важнейшие экзистенциальные смыслообразующие вопросы, тем самым ничего не привнеся для духовно-нравственного развития человечества. Более того, расколдовывание мира в целом и науки в частности оказалось причиной ещё большей нравственной деградации общества» [18, с. 24], в результате чего, как замечает М. Вебер, «высшие благороднейшие ценности ушли из общественной жизни в потустороннее царство мистической жизни...» [7, с. 733–734], а вместе с ними «подлинное знание, истина, являющиеся ранее приоритетной целью научных исследований, стали лишь побочным продуктом прикладных исследований», – констатирует А. О. Никифоров, задаваясь вопросом, вызвавшим большой резонанс в научной среде: «Не являемся ли мы свидетелями конца науки как бескорыстного поиска истины, вдохновляемого нашей природной любознательностью и чувством прекрасного?» [18, с. 28].

Данный вопрос вновь возвращает нас к философам-традиционалистам, заявляющим о «профанации науки», сводящейся лишь к эмпирическому и аналитическому изучению фактов, возрождение которой возможно лишь «через установление контакта с живыми традициями. Утерянная традиция может быть реставрирована и оживлена только благодаря контакту с духом живой Традиции» [8, с. 37], причём, как указывает Рене Генон (Абд аль-Вахид Яхъя), «истинное традиционнo мировоззрение всегда и везде является сущностно одним и тем же, в какую бы форму оно ни облекалось» [8, с. 38].

На сегодняшний день традиционному мировоззрению удалось сохраниться лишь в религии, поэтому считаем, что теология, являющаяся носителем непосредственной

традиции, призвана стать мостом, соединяющим сакральное и профанное, вдыхая Дух в современную научную мысль, предлагая отточенную веками систему координат, основанную на высших принципах морали и нравственности, способствуя возрождению подлинного призвания учёного, которое И. Т. Касавин (1954) называл «особым экзистенциальным даром, миссией, переживаемой исследователем интуитивно, отвечая всей своей жизнью на призыв Абсолюта» [22, с. 256].

Далее попытаемся воссоздать подлинный образ учёного, описание которого можно обнаружить в работах философов-идеалистов, богословов и теологов.

Попытка воссоздания подлинного образа учёного, на основании изучения взглядов философов-идеалистов, богословов и теологов

Немецкий философ-идеалист Иоганн Готлиб Фихте (1762–1814), размышляя о сути подлинного учёного, использовал евангельскую метафору, сравнивая учёного человека, посвятившего свою жизнь поиску истины, с «солью земли»¹. Философ был убеждён, что истинный учёный должен быть образцом духовного совершенствования, и остерегаться потери «силы соли», к чему призывал Иисус своих учеников. Сила соли заключается во внутренней чистоте и устремлённости, а также способности влиять на умы других людей, делая их жизнь «духовно целенаправленной» [28, с. 54]. Аналогичные идею находим в исламской традиции. Читаем в хадисах: «Поистине, учёные являются наследниками пророков, пророки же не оставляют в наследство ни динаров, ни дирхамов, но оставляют в наследство одно только зна-

ние, и тому, кто приобрёл его, достался великий удел». (Абу Дауд 3641, ат-Тирмизи 2682).

Несомненно, Фихте осознавал, что далеко не каждый учёный является подлинно «солёным», в связи с чем он разделял их две категории:

– «полуучёные» исследователи, рассматривающие науку как средство извлечения личных выгод;

– «подлинные учёные, для которых наука не является средством достижения какой-либо цели, но она сама по себе является целью» [27, с. 14].

Данный подход довольно чётко коррелирует с концепцией внешней и внутренней религиозности, предложенной американским психологом Горданом Олпортом² (1897–1967). В связи с тем, что Фихте предлагает взглянуть на научную деятельность в контексте деятельности религиозной, позволим себе рассмотреть религиозность в контексте научной деятельности, для чего, употребляя слово «религия», будем подразумевать под ним слово «наука». Итак, согласно Олпорту:

– внешняя религиозность характеризуется отсутствием глубокого интереса к религии (науке), поверхностным обладанием набором религиозных убеждений (научных установок), отсутствием внутренних обязательств перед религиозным (научным) сообществом при внешнем проявлении социально-согласованных форм религиозного (научного) поведения; незрелая религиозная (научная) идентичность; внешняя мотивация личности, для которой религия (наука) не является ценностью сама по себе, а служит для других нужд и носит прагматический характер;

– внутренняя религиозность характеризуется глубоким пониманием смысла верования (научного поиска) и сознательным следованием религиозным (научным) целям в соответствии с внутренними стрем-

¹ «Вы соль земли. Если же соль потеряет силу; то чем сделаешь её солёною? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить её вон на поправление людям» (Матфей 5: 13). «Соль добрая вещь: но ежели соль не солона будет, чем вы поправите? Имейте в себе соль; и мир имейте между собою.» (Марк 9: 50). «Соль добрая вещь; но если соль потеряет силу, чем исправить её? Ни в землю, ни в навоз не годится; вон выбрасывают её. Кто имеет уши слышать, да услышит.» (Лука 14: 34–35).

² Современная западная психология религии: хрестоматия / ред., сост. Т. В. Малевич; под ред. К. М. Антонова, К. А. Колкуновой. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2017. С. 382.

лениями и жизненными смыслами; внутренняя мотивация личности, живущей религией (наукой)¹.

С сожалением приходится констатировать, что вместе с «десакрализацией» науки и постановкой её на «твёрдую почву» кардинально изменился и взгляд на подлинного учёного. Так, Е. В. Маслановым выделяется две группы исследователей: «профессиональные учёные», ориентирующиеся на решение больших научных и научно-технических проблем, участвующие в научных проектах, конкурсах на получение грантов с целью построения научной карьеры; «учёные-дилетанты», занимающиеся наукой ради удовлетворения собственных познавательных интересов (любопытства), невзирая на отсутствие материального поощрения за интеллектуальный труд. Е. В. Масланов, сравнивая первых с музыкантами, «чья деятельность связана с тяжёлой, не всегда интересной и приятной работой», а вторых с «любителями помузыцировать» для себя [17, с. 44], заявляет, что лишь любознательностью и эстетическими критериями сегодня в науке не обойтись [17, с. 38], а вот «использование энтузиазма дилетантов» и «привлечение» их в профессиональные научные проекты, может привести к созданию нового образа науки [17, с. 44]. На наш взгляд, «использование» «подлинно солёных» как минимум не корректно, хотя, с другой стороны, даже столь «приниженная роль» может содействовать тому, что современная наука будет «осолённой» пусть и незначительным количеством «подлинно солёных», которых, как мы полагаем, не больше, чем в предположении Г. Олпорта, касающемся «подлинно религиозных», а это уже шаг на пути к восстановлению изначальной миссии учёного и науки в целом.

Продолжая идею Фихте о миссии учёного как «соли земли», логично вспомнить отрывок из Евангелия от Матфея о невозможности служить одновременно двум

господам², в данном контексте указывающий на невозможность быть учёным наполювину. Образ «подлинного учёного» прекрасно описан средневековым арабским географом Шамсутдином аль-Мукаддаси (946–990): «Наука открывает своё лицо лишь тому, кто целиком посвящает себя ей с чистым разумом и ясным пониманием и, вымолив себе помощь Аллаха, собирает воедино все силы своего рассудка; кто, засучив рукава, бодрствует ночи напролёт, утомлённый рвением; кто добивается своей цели, шаг за шагом поднимаясь к вершинам знаний; кто не насилует науку бесцельными отступлениями и безрассудными атаками; кто не блуждает в науке наугад, как слепой верблюд в потёмках» [24, с. 49]. Образ «подлинного учёного», описанный в X в. мусульманским учёным, вполне соответствует описанию «идеала учёного», представленного в XIX в. Максом Вебером (1864–1920), по убеждению которого «учёный является своего рода "праведным страстным аскетом", образ жизни которого уже гарантирует истину его высказываниям» [3, с. 185]. Данное утверждение вновь отсылает нас к исламской традиции, согласно которой учёный получает гарантированную награду от Аллаха, даже несмотря на возможные заблуждения в ходе своего исследования: «Тому из них, кто достиг истины, полагаются две награды: одна за усердие, а вторая за правильность. Тому же, кто ошибся, приложив свои усилия, прощается ошибка и даруется вознаграждение за его стремление и начальные верные шаги в поиске истины» (Аль-Изз Абду-с-Салам в «Кава'ид аль-ахкам» (2/370))³. Страсть учёного-аскета заключается в жертвенном служении⁴, в

¹ Будучи заинтересованным возможностью измерения «подлинной религиозности», Гордан Олпорт предполагал, что её носителями являются не более 10% людей.

² «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6: 24).

³ Учёные и их положение в исламе. Серия: «ада'уату-ссялия», часть 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://docplayer.ru/30977209-Seriya-ad-da-uatu-ssalyafiya-chast-1-pervoe-izdanie-podgotovleno-redakciey-sayta.html> (дата обращения: 17.01.2021).

⁴ В исламском энциклопедическом словаре под редакцией С. М. Прокурова даётся следующее определение ал-Иджтихада. Аль-Иджтихах («усерд-

отречении от всего временного и преходящего (признания, похвалы) ради «движения по пути к истинному Богу, истинному бытию, истинному счастью» [3, с. 175]. Вебер подчёркивал, что: «странное упоение учёного, вызывающее улыбку у всякого постороннего человека, абсолютно необходимо для оплодотворения рутинного исследовательского труда» [7, с. 708].

За век до Вебера немецкий протестантский богослов и философ Фридрих Шлейермахер (1768–1834) полагал, что для «оплодотворения науки» необходим дух, рассматриваемый им в прямом религиозном значении. Философ был убеждён, что именно «дух науки» указывает истинные ориентиры, наполняет умы искателей истины высокими помыслами, придавая науке особую атмосферу одухотворённости. Основной задачей учёного Шлейермахер видел разворачивание сжатого ядра истины посредством развития силы научного мышления, происходящего в процессе преобразования исследователем себя, «в ходе само-преодоления и подъёма над самим собой в сферу духа» [27, с. 14], тем самым привнесения духа в науку. Очевидно, что невозможно привнести дух (тем более в науку), если исследователь не актуализирует его внутри самого себя. На важность «алхимического делания», направленного на преобразование человека из «железа в золото», указывал средневековый мусульманский мыслитель аль-Газали (1158–1111) в своём труде «Алхимия счастья» [1, с. 62], подчёркивая важность проживания насыщенной, осмысленной и глубокой жизни, приводящей к «внутренней химической реакции», трансформирующей дух, одухотворяя тело. «Тело становится Духом, а Дух превращается в Тело. Одухотворение

тела не является его превращением в менее плотную материю... Напротив, речь идёт о том, что тело, внешне оставаясь тем же, теперь существует фактически только как функция духа, а не для себя» [32, с. 193, 198], – пишет философ-традиционалист Юлиус Эвола (1898–1974) в «Герметической традиции», переносит наше внимание к классикам герменевтики, указывающим на важность присутствия Духа в ходе исследовательского процесса. Американский теолог Грант Осборн (1942–2018) убеждён, что «Дух настраивает на процесс познания, открывая глаза, укрепляющая разум исследователя» [9, с. 554, 565], а его коллега Кевин Ванхузер (1957) считает, что исследователю, ведомому «духом живой традиции», легче осуществлять исследовательский процесс, сравниваемый им в духовной борьбе, в которой учёный готов пожертвовать собой, «умерев» для себя, ради проникновения в искомое» [6, с. 614].

На основании рассмотрения взглядов философов, богословов и теологов разных веков выявлен собирательный образ подлинного учёного. Истинные учёные, посвятившие свою жизнь поиску истины, являются высоконравственными и стремящимися к духовному совершенствованию людьми, в связи с чем богословы и философы сравнивали их с «солью земли», называли «наследниками пророков», «праведными страстными аскетами», образ жизни которых уже «гарантировал истину их умозаключений». Будучи ведомыми «духом живой традиции», они готовы жертвовать собой ради приближения к искомому. Подобный образ жизни запускает внутренние «алхимические процессы», способствующие преобразованию учёного из «железа в золото», приводя к «трансформации его духа» и «одухотворению тела», что, в свою очередь, поднимает исследователя над самим собой в сферу духа и даёт возможность привнести дух в науку, т. е. одухотворить её.

Однако следует констатировать, что в настоящее время всё чаще встречаются «полуучёные», не считающие необходи-

ствование», «большое старание») – деятельность богослова в изучении и решении вопросов богословско-правового комплекса, система принципов, аргументов, методов и приёмов, используемых им при исследовании, а также степень авторитетности самого учёного (туджтахид) в знании, интерпретировании и комментировании богословско-правовых источников. См.: Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Прозоров. М.: Наука, 1991. С. 91.

мым посвящать свою жизнь поиску истины, «бодрствуя ночи напролёт, утомляясь рвением, шаг за шагом поднимаясь к вершинам знаний», не стремящиеся посвящать себя жертвенному служению науке, отрекаясь от всего временного и преходящего ради великой идеи, не обрётшие «силы соли», не оживившие в себе дух, указующий подлинные ориентиры. Думаем, что именно эта категория людей, год от года пополняющая ряды научного сообщества, ввиду некоего престижа, материальных доплат, повышения самооценки и потребности в уважении, подрывает подлинную идею призвания как миссии. Это усугубляется ещё тем, что в настоящее время всё чаще количество научных статей и их тематика зависят не от внутренней потребности исследователя, а от всё возрастающих требований извне, что профанирует как идею призвания, так и самой науки в целом.

Далее рассмотрим роль теологии как науки в возрождении подлинного призвания учёного и возвращении науке её сакральных смыслов.

Роль теологии как науки в возрождении подлинного призвания учёного и возвращении науке её сакральных смыслов

Для того, чтобы представить возможности теологии, открывающиеся благодаря её духовно-нравственному потенциалу и мировоззренческому фундаменту, вначале перечислим проблемы, являющиеся причиной утраты учёными звания «соли земли» и «наследников пророков». Далее представим возможности теологии в решении проблем возвращения науке и призванию учёного их первоначального высокого статуса. В заключении укажем условия, соблюдение которых позволит теологии внести свой вклад в восстановление подлинных изначальных сакральных смыслов.

А). Проблемы, являющиеся причиной утраты учёными звания «соли земли» и «наследников пророков».

1. Следует признать, что на сегодняшний день призвание учёного утратило свой первоначальный сакральный смысл, заключающийся в «даре услышать призыв Абсолюта и ответить на него» [22, с. 256] посредством героического самоотверженного поискового процесса, воспринимаемого как миссия.

2. Приходится констатировать, что в связи с провозглашением «принципа научной свободы от ценностей мировоззрения» [3, с. 175] наука и нравственность оказались разделёнными, что привело к утрате понимания важности духовного совершенствования личности учёного и его работы над своим нравственным обликом. Данное обстоятельство стало причиной того, что учёные из «соли земли» и «наследников пророков» превратились в «наёмных работников»¹, а наука стала «ремеслом» («профессией»), не имеющей ничего общего с изначальным смыслом и целями [15, с. 18–19].

3. Утрата изначального смысла и целей исследовательской деятельности привела к подмене подлинного духа науки современным «корпоративным духом», когда, например, в ходе конференции докладчик может не иметь никакого отношения к результатам исследования [26, с. 52], так же как и к статье, соавтором которой он является, благодаря «формальному включению в состав авторского коллектива с целью увеличения количества научных публикаций и повышения индекса цитирования» [4, с. 28].

4. Ввиду «массовости высшего образования» наблюдается массовая критика научных изысканий теми, кто разбирается в предмете критики весьма поверхностно, что приводит как к принижению статуса науки и учёного, так и к «уничтожению всякого намёка на сакральность научного действия» [12, с. 21]. В глазах научного общества и массовом сознании в целом

¹ Миссия учёного в современном мире: наука как профессия и призвание. РОИФН Аннотация проекта [Электронный ресурс]. URL: <http://rshps.org/гранты-рнф/миссия-ученого-в-современном-мире> (дата обращения: 20.07.2022).

происходит профанирование образа «подлинного учёного» через сравнение его с «дилетантом, музицирующим для своего удовольствия» [17, с. 44], «угрюмым гением-одиночкой или рассеянным чудаком, погруженным в размышления об абсолютно бесполезных вещах» [11, с. 130], в результате чего происходит искажение вплоть до инверсии (переворачивания) первоначальной цели науки и истинного предназначения учёного, которые, по словам М. Вебера, становятся «исчезающими иллюзиями» [3, с. 175].

5. К сожалению, основным мотивом научной деятельности всё чаще становятся внешние стимулы. За счёт установленного организацией определённого «эффективного контракта» и «коммерциализации деятельности учёного» наблюдается «лихорадочная гонка за публикациями» [4, с. 28], что, несомненно, накладывает отпечаток на качество научных работ. Результаты опроса научных работников России в более двадцати субъектах РФ, проводимого А. Ю. Огородниковым в 2021 г., показали, что «61% опрошенных получают дополнительные выплаты за публикации в высокорейтинговых журналах; 31% получают стимулирующие выплаты за выступления на международных конференциях; 28% – за получение научных грантов; 22% за развитие образовательных технологий» [20, с. 103]. Погоня за рейтингами, приводящая к «имитации научной деятельности, умножению числа неглубоких, но зато “мейнстримных” работ» [4, с. 28], превращает исследовательский процесс в «симулякр – образ, лишённый сходства с предметом, но создающий эффект подобия, маскирующий отсутствие глубинной реальности или вообще не соотносящийся с ней» [4, с. 29]. Мотивация научных изысканий становится весьма банальной – престиж, карьера, заработок, в результате чего происходит полная «десакрализация интеллектуального труда» [12, с. 18], и учёный из строителя «сакрального здания науки» превращается в «каменщика».

Б). *Возможности теологии в решении проблем возвращения науке и призванию*

учёного их первоначального высокого статуса.

1. В случае рассмотрения исследовательской деятельности в качестве особого вида служения (поклонения)¹, целью которого является достижение довольства Всевышнего посредством реализации Его великого замысла (что для теолога является вполне естественным), может быть возрождён её сакральный смысл, а научное призвание станет восприниматься исследователем как особая миссия, «особый экзистенциальный дар свыше», которого достоин отнюдь не каждый. И несмотря на то, что после этого осознания массовость поступления в магистратуру и аспирантуру может снизиться, тем не менее в этих «сконцентрированных сакральных водах» может проявиться «соль».

2. Понимание теологом того, что призвание учёного как «особый дар свыше» является некой привилегией, которую возможно заслужить путём высоко нравственного образа жизни и духовного совершенствования:

¹ В исламской традиции большое внимание уделено важности размышления, что непосредственно является частью исследовательского процесса. Важность размышления многими мусульманскими богословами сравнивается по важности с молитвой, причём с ночной, которая является особенно ценной для мусульманина. Во всех нижеприведённых хадисах длительность часа размышления соотносится с разным отрезками времени, уделяемого молитве (от одной ночи до шести лет). Несмотря на то, что среди богословов ведутся споры о достоверности / недостоверности этих хадисов, а также в связи с тем, что сведения о продолжительности молитвы настолько разнятся, все они указывают мусульманину на важность размышления. «Размышление в течение часа лучше, чем поклонение в течение целой ночи». (Хасан аль-Басри); «Размышление в течение одного часа лучше, чем выстаивание ночной молитвы» (Ибн ас-Сарий в «аз-Зухд» (943), Ахмад в «аз-Зухд» (139) и Ибн Са'д в «ат-Табакъат аль-Кубра» (7/392) от Абу ад-Дарды); «Размышление в течение одного часа лучше, чем поклонение в течение одного года». (Ибн Аджийб); «Размышление в течение одного часа лучше, чем поклонение в течение шестидесяти лет». (Абу Хурайра). См.: Хадис: «Размышление в течение одного часа лучше, чем поклонение в течение одного года» недостоверный [Электронный ресурс]. URL: <https://hadis.uk/xadis-razmyshlenie-v-techenie-odnogo-chasa-luchshe-chem-poklonenie-v-techenie-odnogo-goda-nedostoverniyj/26157> (дата обращения: 4.08.2022).

– во-первых, значительно повысит статус учёного как человека, «поцелованного Богом», и мотивирует его к духовному самосовершенствованию, а также соблюдению норм этики и морали, что будет способствовать духовно-нравственному развитию общества в целом;

– во-вторых, побудит научное сообщество к парадигмальному сдвигу в сторону «осмысления науки с акцентом на её ценностно-смысловые основания» [30, с. 281] и соотнесения «принципа научности» с «принципом нравственности» [25, с. 281], возвращая последний в новую научную парадигму мышления, откуда с течением времени она и была упразднена (вынесена за скобки, вытеснена за пределы науки);

– в-третьих, позволит обратить внимание современных учёных на ценностно-смысловые аспекты теологического мировоззрения, что, по убеждению Д. В. Шмонина, вовсе «не означает отказа от принципов научности и объективности (тем более что критерии объективности научного знания и границ науки постоянно пересматриваются)» [30, с. 282].

3. Включение ценностно-смысловых оснований теологического мировоззрения будет способствовать возвращению в науку духа традиции, сохранившегося, по мнению Рене Генона, лишь в религии [8, с. 38]. Этот дух, одухотворяя («оплодотворяя») науку, по убеждению Ф. Шлейермахера, напомнит истинные утерянные ориентиры, наполняя умы искателей истины подлинными смыслами, поднимая над самим собой в сферу Духа [27, с. 14]. Подъём исследователя в сферу Духа посредством внутренней алхимической реакции, приводящей к «трансформации железа в золото», вернёт «духовную соль» во внутреннюю суть учёного, восстанавливая высокое звание «наследника пророков».

4. Несомненно, результаты исследований «наследников пророков», несущих «соль» в «пресные научные воды», вызывают немало критики. Рене Генон разъяснял её формы и причины следующим образом: «Существуют отрицания, которые сами похожи на крики ярости, таковы напри-

мер отрицания так называемых “свободных мыслителей” по отношению ко всему тому, что относится к религии. Ненависть к тайне, по сути, есть не что иное, как одна из форм ненависти ко всему, что превосходит “средний” уровень, и к тому, что отменяет единообразие, которое хотят навязать всем» [8, с. 517]. Очевидно, что теология в целом как новая научная отрасль и теологические исследования в частности воспринимаются академическим сообществом в лучшем случае с большой настроённостью, а в худшем подвергаются жёсткой критике. Поэтому:

– с одной стороны, современным учёным для объективности критики необходимо признать помимо «постигающего» (принудительного) типа мышления, для которого доступ к священному закрыт, наличие мышления «позволяющего», допускающего «уяснение смысла священного, посредством преодоления собственной замкнутости и открытия в себе иных возможностей» [21, с. 163]. Более того, помимо признания его наличия, важно попытаться допустить для себя возможность перехода от «постигающего» к «позволяющему» мышлению как готовности к восхождению в сферы священного¹;

– с другой стороны, теологу необходимо со всей ответственностью подходить к исследовательскому процессу, соблюдая принципы научности, нейтральности, поликультуральности, осознавая ответственность за каждое произнесённое (написанное) слово, понимая, что от качества его деятельности будет зависеть отношение к теологии как научной отрасли в целом.

5. Обращение к внутренним мотивам и стимулам, актуализирующимся благодаря восприятию исследовательской деятельности как «исключительного экзистенциального дара» и особого вида поклонения, позволяет взглянуть на научный процесс

¹ Приведённые типы мышления («постигающий» и «позволяющий») введены немецким католическим мыслителем К. Хеммерле, убеждённым, что «позволяющее мышление», называемое им также «верующим», является необходимым элементом человеческого сознания.

как на «построение храма». В данной связи вспоминается история, повествующая о строительстве храма, во время которого проводился опрос работников, касающийся причин их труда. Поэтическое переложение этой истории находим у И. Богдановской.

«Не всякий может строить храм для Бога – об этом знал премудрый Соломон,

И при закладке Храма, у дороги опрос был самый первый проведён.

Ко всем своим работникам под вечер царь обратился, придержав коня:

Мол, чем ты занят, добрый человеке?

Один ответил, жизнь свою кляня:

«С утра до ночи я таскаю камни!»,

«Кормлю семью» – проговорил второй,

«Я строю Храм. Работа дорога мне», – сказал вольнонаемник молодой...»¹.

Метафоры, приведённые в истории («построение храма», «зарабатывание денег» и «таскание камней»), приложимые и к научной деятельности, находят отражение как в христианской, так и в исламской традициях. Так, в «Откровенных рассказах странника»² встречается описание трёх путей, ведущих к Богу: «путь раба», «путь наёмника» и «путь сыновний». Причём Странник отвергает первые два как неприглядные и унижительные, указывая на единственно достойный путь сыновнего служения, заключающийся в свободном и осознанном выборе человека, ступившего на потенциальный путь достижения состояния богоподобия. В исламской традиции также встречаем упоминание о недостойном «пути раба» и «пути наёмника»: «Пусть ни один из вас не будет подобен плохому слуге, который не станет работать, не получив плату, или плохому рабу, который не сделает, не убоявшись»³, – пишет Абу

Хамид аль-Газали. Восприятие научной деятельности как «построение храма», занимающего все существование теолога-исследователя «предельной заботой о высших смыслах» [13, с. 31] (П. Тиллих), возвращает нас к «идеи чистой науки, устремлённой в горние сферы, не причастной ничему телесному, земному» [28, с. 45] (И. Г. Фихте), т. е. к «изначальной подлинности миссии, основанной на ценностно-смысловых основаниях» [30, с. 290].

В). Условия, соблюдение которых позволит теологии внести свой вклад в восстановление подлинных изначальных сакральных смыслов.

1. Видение в исследовательской деятельности особого сакрального смысла, восприятие её как особого вида поклонения, ценность которого является выше ночного молитвенного поклонения Всевышнему. Благодаря столь глубокому внутреннему стимулу формируется особое возвышенное отношение к исследовательскому процессу, способствуя упразднению формального подхода и повышению качества научной работы.

2. Осознание, что «исследовательское поклонение» открывает возможность формирования особых качеств, обладателями которых выступали подлинные учёные прошлого, являя собой пример не только интеллектуальных, но и духовно-нравственных свойств, благодаря которым и возможно стать подлинно «солёным», достойным звания «наследников пророков».

3. Признание возможности приближения к качествам «наследников пророков» посредством самоотверженного «исследовательского поклонения» позволит воспринимать научную деятельность не как ежедневную рутинную тяготу и формальную обязательность, а как привилегию, дар свыше, миссию.

4. Осознание «избранности» налагает особую ответственность:

– перед самим собой, так как перекося сторону эгоистических амбиций лишает теолога права привилегии. Здесь умест-

щения: 15.07.2022).

¹ Богдановская И. О строительстве Храма [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi.ru/2012/05/15/6839> (дата обращения: 15.07.2020).

² Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. М.: Сибирская Благозвонница, 2009. 352 с.

³ Аль-Газали. О любви, тоске, радости и довольстве [Электронный ресурс]. URL: http://www.salam-alejkum.narod.ru/oracle_gazali_love.html (дата обра-

но вспомнить разъяснение Евангельских понятий «званных» и «избранных» из притчи о «Брачном пире»¹ Рене Геноном: «Действительно избранными (элитой) являются те, кто, завершив внутреннюю реализацию, не может более поддаться соблазну. Те же, кто имеет в себе лишь потенцию знания, являются только "званными" [8, с. 134];

– перед теологией, уммой и Всевышним, т. к. теолог являет собой некий мост, соединяющий сакральное и профанное посредством встраивания элементов «верующего мышления» («позволяющего», «священного») в распространённое в научной среде «постигающее мышление», закрытое к доступу священного, однако способного, с точки зрения К. Хеммерле, к переходу из одного в другое [21, с. 30]. Понимание, что способность к переходу, с одной стороны, открывает возможность проникновения сакральных смыслов в сферу профанного, с другой – создаёт опасность вхождения профанного в сферу сакрального. Получив статус науки, отождествляясь с ней, теологии и теологам важно «не загнать самих себя в безысходный тупик» [18, с. 296] вслед за философией и психологией, о чём писал А. Л. Никифоров, уверенный, что «с привнесением элементов научности, обоснованности, точности, логической строгости вновь зарождающаяся научная область может утратить нечто подлинно ценное, свойственное ей изначально» [18, с. 298].

5. Признание наличия духовных рисков и возможности (необходимости) дерзновенного вызова самому себе, академическому сообществу и части уммы, твёрдо отстаивающей неизбежность (неприкосновенность) ряда устоявшихся религиозных убеждений, которые могут оказаться в сфере научных интересов теолога-исследователя.

Во избежание рисков (убегания от рисков) теолог может заняться «вторичной работой», которой до него занимались многие поколения – «переписыванием, повторением, комментированием того, что было написано, повторено, прокомменти-

ровано ранее» [18, с. 315], из-за чего работа не будет иметь особой новизны, будет мало интересна как читателям, так и самому исследователю, который если и будет испытывать радость творчества во время своего труда, то несравнимую с той, что испытывает исследователь, пишущий работу, носящую «первичный» характер. Такой несколько формальный подход к научной деятельности, рассматриваемую нами как особый вид поклонения, можно сравнить с формальным отношением к молитве, к её обязательному ритуальному выполнению, однако без глубокого ежедневного погружения в молитвенную практику.

«Первичная работа», совершаемая под влиянием личных внутренних устремлений, предполагает напряжённый интеллектуальный поиск ответов на волнующие вопросы посредством «разворачивания сжатого ядра истины», культивирования в себе «восприимчивости к новому знанию» [28, с. 56] (Иоганн Фихте), выходящему за рамки привычных смыслов, и способности «мужественного следования смыслам предельным через проживание опыта достижения своих "пограничных линий" и "ощущения бездн" (Пауль Тиллих, 1886–1965) [23, с. 46, 114], простирающейся «перед невозможностью возможного или перед возможной невозможностью» [16, с. 161] (Мераб Мамардашвили, 1930–1990). Это «поиски, разочарования, находки, доставляющие ни с чем не сравнимое наслаждение» [16, с. 314], но вместе с тем, несомненно, и риски. Такой подход к научной работе сравним с молитвенным поклонением, смыслом которого становится ежечасное искреннее служение не ради достижения каких-то личных выгод, а ради радости единения со Всевышним. Работы, написанные таким образом, чаще всего носят новаторский характер, вызывая волну критики, но и интереса, а также внимания со стороны научного сообщества, пытающегося понять, чем же (кем) ведом теолог, какими особыми целями, в чём же заключается сущность теологии как науки, дающей такой потенциал для научного творчества¹.

¹ «Ибо много званных, а мало избранных» (Мф. 22:14); (Лк. 14:24).

Надеемся, что это внимание и интерес позволят увидеть в современном теологе транслируемый им образ страстного учёного, убеждённого в своей особой миссии, преданного своему высокому предназначению, готового и способного транслировать знания, приобретённые в результате

напряжённого интеллектуального труда другим, побуждая их своим образом жизни и действий к духовному подвигу воскресения Науки посредством возвращения ей изначального духа – духа традиции.

Статья поступила в редакцию 03.03.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аль-Газали А. Х. «Кимийа-йи са'адат» («Эликсир счастья»). Часть 1: 'Унваны 1–4. Рукн 1. / пер. с перс., вступ. ст., комм., указ. А. А. Хисматулина. М.: Ихлас, 2011. 464 с.
2. Альтюссер Л. Противоречие и сверхдетерминация (Заметки к исследованию) / пер. с А. В. Денежкина // Альтюссер Л. За Маркса. М.: Праксис, 2006. С. 127–186.
3. Антоновский А. Ю., Бараш Р. Э. О науке Макса Вебера: рецепция и современность // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 4. С. 174–188.
4. Бирженюк Г. М., Ефимова Т. В. Индекс Хирша как симулякр, или Уравнение известных с неизвестными // Вестник культуры и искусств. 2018. № 1 (53). С. 22–32.
5. Братусь Б. С. Проблема возвращения категории «Души» в научную психологию // Национальный психологический журнал. 2014. № 3 (15). С. 3–12.
6. Ванхузер К. Дж. Искусство понимания текста. Литературоведческая этика и толкование Писания / пер. В. Четирко. Черкассы: Коллоквиум, 2007. 736 с.
7. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / пер. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.
8. Генон Р. Кризис современного мира / пер. Н. Мелентьевой // Кризис современного мира. М.: Эксмо, 2008. С. 5–140.
9. Грант Р. Герменевтическая спираль. Общее введение в библейское толкование / пер. Н. Сериковой. Одесса: Евро-Азиатская Аккредитационная Ассоциация, 2009. 728 с.
10. Дёмин И. В. Принцип «онтологической дифференции» в феноменологии М. Хайдеггера и в метафизике интегрального традиционализма Р. Генона [Электронный ресурс] // Философская мысль. 2015. № 7. URL: https://nbpublish.com/e_fr (дата обращения: 14.07.2022).
11. Егерев С. В. Научное творчество и общественные стереотипы // Научковедческие исследования. 2016. № 1. С. 129–154.
12. Касавин И. Т. Дилемма учёного: после Макса Вебера // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 18–22.
13. Касавина Н. А. Миссия учёного в «расколдованном» мире // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 28–32.
14. Кумарасвами А. К. Восток и Запад. Религия, мифология, символика, искусство / пер. М. В. Макович. М.: Беловодье, 2018. 184 с.
15. Любимова Т. Б. «Вечная философия» единой традиции в символах [Электронный ресурс] // Vox: философский журнал. 2018. № 24. URL: <https://vox-journal.org> (дата обращения: 14.07.2022).
16. Мамардашвили М. К. Беседы о мышлении. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2015. 816 с.
17. Масланов Е. В. Гражданская наука – наука как призвание // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 3. С. 40–44.
18. Никифоров А. Л. Трансформация науки в XX в.: от поиска истины к совершенствованию техники // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 3. С. 20–29.
19. Никифоров А. Л. Философия как личный опыт // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания / отв. ред., сост. И. Т. Касавин. М.: Политиздат, 1990. С. 296–327.

¹ В обстоятельствах вхождения теологии в научное пространство теологу-исследователю предоставляется возможность стать образцом, передающим образ своей жизни, наполненной духовно-интеллектуальных устремлений, «ощущение истины». И пусть пока таких «образцов» не так много, однако благодаря осознанию потенциала теологии и раскрытию его перед самими теологами их может стать немного больше. В данной связи слова Ю. Эволи, представленные в его книге «Восстание против современного мира», обретают особый смысл: «Единственное, что имеет значение – это стойкость меньшинства, способствующего созданию стержня, который, хотя определён и не спасёт мир растерянных и уставших людей от самой её сути, тем не менее, поможет передать некоторым ощущение истины – ощущение, которое может стать для них началом кризиса, ведущего к освобождению» [31, с. 9].

20. Огородников А. Ю. Прагматические и аксиологические основания деятельности учёного в мировом научном пространстве // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2021. № 4. С. 100–106.
21. Пылаев М. А. Категория «Священного» в феноменологии религии, теологии и философии XX века. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2017. 215 с.
22. Столярова О. Е. Призвание учёного в расколдованном и вновь заколдованном мире // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 55. С. 255–260.
23. Тиллих П. Систематическая теология. Т. I–II / пер. Т. П. Лифинцевой, О. Р. Газизовой, В. М. Ошеровой, В. В. Рынкевич. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 463 с.
24. Тимофеев И. В. Бируни. М.: Молодая гвардия, 1986. 304 с.
25. Трубников Н. Н. Наука и нравственность (о духовном кризисе европейской культуры) // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания / отв. ред., сост. И. Т. Касавин. М.: Политиздат, 1990. С. 278–295.
26. Тухватулина Л. А. О мнимом противоречии в научной рациональности // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 3. С. 51–55.
27. Федотова О. Д., Семенов Г. В. Предназначение учёного в оценке философов – ректоров Берлинского университета // Общество: философия, история, культура. 2018. № 1. С. 10–14.
28. Фихте И. Г. Несколько лекций о назначении учёного // Фихте И. Г. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / сост. В. Волжский. СПб.: Мифрил, 1993. С. 7–64.
29. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / пер. В. Библихина // Владимир Библихин: [сайт]. URL: http://bibikhin.ru/pismo_o_gumanizme (дата обращения: 14.07.2022).
30. Шмонин Д. В. Научная рациональность и «возвращение к теологии» // Вопросы теологии. 2019. Т. 1. № 3. С. 280–306.
31. Эвола Ю. Восстание против современного мира / пер. Д. Зеленцова. М.: Прометей, 2016. 476 с.
32. Эвола Ю. Герметическая традиция / пер. Г. Бутозова. Воронеж: Terra Foliata, 2015. 272 с.
33. Эвола Ю. Учение о пробуждении. Очерки буддийской аскезы / пер. А. П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2016. 416 с.

REFERENCES

1. Al-Ghazālī A. H. Kimiya-yi Sa'adat (Rus. ed.: Hismatulin A. A., transl. "Kimiia-ii sa'adat" ("Eliksir schast'ya"). Moscow, Ihlas Publ., 2011. 464 p.).
2. Althusser L. Widerspruch und Überdetermination (Rus. ed.: Denezhkin A. V., transl. *Protivorechie i sverhdeterminaciya (Zametki k issledovaniyu)*). In: Althusser L. *Za Marksa* [Pour Marx]. Moscow, Praksis Publ., 2006, pp. 127–186).
3. Antonovsky A. Yu., Barash R. E. [On Max Weber's Science: Reception and Modernity]. In: *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2018, vol. 55, no. 4, pp. 174–188.
4. Birzhenyuk G. M., Efimova T. V. [Hirsch Index as a Simulacrum, or Equation of Known with Unknown]. In: *Vestnik kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Culture and Arts], 2018, no. 1 (53), pp. 22–32.
5. Bratus B. S. [The Problem of Returning the Category "Souls" to Scientific Psychology]. In: *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* [National Psychological Journal], 2014, no. 3 (15), pp. 3–12.
6. Vanhoozer K. J. Is There a Meaning in This Text? The Bible, The Reader, and the Morality of Literary Knowledge (Rus. ed.: Chetirko V., transl. *Iskusstvo ponimaniya teksta. Literaturovedcheskaya etika i tolkovanie Pisaniya*). Cherkassy, Kollokvium Publ., 2007. 736 p.).
7. Weber M. Wissenschaft als Beruf (Rus. ed.: Davydov Yu. N., transl. *Nauka kak prizvanie i professiya*. In: Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 707–735).
8. Guénon R. La crise du monde moderne (Rus. ed.: Melent'eva N., ed. *Krizis sovremennogo mira*. In: *Krizis sovremennogo mira* [Crisis of the Modern World]. Moscow, Eksmo Publ., 2008, pp. 5–140).
9. Grant R. The Hermeneutical Spiral: A Comprehensive Introduction to Biblical Interpretation (Rus. ed.: Serikova N., transl. *Germenevticheskaya spiral'. Obshchee vvedenie v biblejskoe tolkovanie*. Odessa, Evro-Aziatskaya Akkreditatsionnaya Assotsiatsiya Publ., 2009. 728 p.).
10. Dyomin I. V. [The Principle of "Ontological Differentiation" in the Phenomenology of M. Heidegger and in the Metaphysics of Integral Traditionalism R. Guenon]. In: *Filosofskaya mysl'* [Philosophical Thought], 2015, no. 7. Available at: https://nbpublish.com/e_fr (accessed: 14.07.2022).

11. Egerev S. V. [Scientific Creativity and Social Stereotypes]. In: *Naukovedcheskie issledovaniya* [Naukovedcheskie Issledovaniya], 2016, no. 1, pp. 129–154.
12. Kasavin I. T. [Dilemma of the Scientist: After Max Weber]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2019, no. 7, pp. 18–22.
13. Kasavina N. A. [The Mission of a Scientist in the “Disenchanted” World]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2019, no. 7, pp. 28–32.
14. Coomaraswamy A. K. Christian and Oriental Philosophy of Art (Rus. ed.: Makovich M. V., transl. Vostok i Zapad. *Religiya, mifologiya, simvolika, iskusstvo*. Moscow, Belovod’e Publ., 2018. 184 p.).
15. Lyubimova T. B. [“Eternal Philosophy” of a Single Tradition in Symbols]. In: *Vox: filosofskij zhurnal* [Vox: Philosophical Journal], 2018, no. 24. Available at: <https://vox-journal.org> (accessed: 14.07.2022).
16. Mamardashvili M. K. *Besedy o myshlenii* [Conversations about Thinking]. Moscow, Fond Meraba Mamardashvili Publ., 2015. 816 p.
17. Maslanov E. V. [Civil Science – Science as a Vocation]. In: *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2019, vol. 56, no. 3, pp. 40–44.
18. Nikiforov A. L. [Transformation of Science in the 20th century: From the Search for Truth to the Improvement of Technology]. In: *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2019, vol. 56, no. 3, pp. 20–29.
19. Nikiforov A. L. [Philosophy as a Personal Experience]. In: Kasavin I. T., ed. *Zabluzhdayushchiysya razum? Mnogoobrazie vnauchnogo znaniya* [Deluded Mind? Variety of Extra-Scientific Knowledge]. Moscow, Politizdat Publ., 1990, pp. 296–327.
20. Ogorodnikov A. Yu. [Pragmatic and Axiological Foundations of the Activity of a Scientist in the World Scientific Space]. In: *Medicina. Sociologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya* [Medicine. Sociology. Philosophy. Applied Research], 2021, no. 4, pp. 100–106.
21. Pylaev M. A. *Kategoriya “Svyashchennogo” v fenomenologii religii, teologii i filosofii XX veka* [The Category of “Holy” in the Phenomenology of Religion, Theology and Philosophy of the 20th century]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2017. 215 p.
22. Stolyarova O. E. [The Vocation of a Scientist in a Disenchanted and Re-Enchanted World]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University Philosophy. Sociology. Political Science], 2020, no. 55, pp. 255–260.
23. Tillich P. Systematic Theology (Rus. ed.: Lifintseva T. P., Gazizova O. R., Osherova V. M., Rynkevich V. V., transl. *Sistematicheskaya teologiya. T. I–II*. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2000. 463 p.).
24. Timofeev I. V. *Biruni* [Biruni]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1986. 304 p.
25. Trubnikov N. N. [Science and Morality (On the Spiritual Crisis of European Culture)]. In: Kasavin I. T., ed. *Zabluzhdayushchiysya razum? Mnogoobrazie vnauchnogo znaniya* [A Delusional Mind? Variety of Extra-Scientific Knowledge]. Moscow, Politizdat Publ., 1990, pp. 278–295.
26. Tuhvatulina L. A. [On an Imaginary Contradiction in Scientific Rationality]. In: *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2019, vol. 56, no. 3, pp. 51–55.
27. Fedotova O. D., Semenov G. V. [The Purpose of the Scientist in the Assessment of Philosophers – Rectors of the University of Berlin]. In: *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul’tura* [Society: Philosophy, History, Culture], 2018, no. 1, pp. 10–14.
28. Fichte J. G. Einige Vorlesungen über die Bestimmung des Gelehrten (Rus. ed.: Volzhsky V., transl. *Neskol’ko lekcii o naznachenii uchyonogo*. In: Fichte J. G. *Sochineniya* [Essays. Vol. 2]. St. Petersburg, Mifril Publ., 1993, pp. 7–64).
29. Heidegger M. Über den Humanismus (Rus. ed.: Bibihin V., transl. Pis’mo o gumanizme. In: Bibihin V., transl. *Vladimir Bibihin*. Available at: http://bibikhin.ru/pismo_o_gumanizme (accessed: 14.07.2022)).
30. Shmonin D. V. [Scientific Rationality and “Return to Theology”]. In: *Voprosy teologii* [Questions of Theology], 2019, vol. 1, no. 3, pp. 280–306.
31. Evola G. Rivolta contro il mondo moderno (Rus. ed.: Zelencov D., transl. *Vosstanie protiv sovremennogo mira*. Moscow, Prometej Publ., 2016. 476 p.).
32. Evola G. The Hermetic Tradition (Rus. ed.: Butozov G., transl. *Germeticheskaya tradiciya*. Voronezh, Terra Foliat Publ., 2015. 272 p.).
33. Evola G. La dottrina del risveglio (Rus. ed.: Shurbelev A. P., transl. *Uchenie o probuzhdenii. Ocherki bud-dijskoj askezy*. St. Petersburg, Vladimir Dal’ Publ., 2016. 416 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Седанкина Татьяна Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой систематической теологии Российского исламского института;
e-mail: Tatiana-svetlaya@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana E. Sedankina – Cand. Sci. (Pedagogy), Assoc. Prof., Head of the Department of Systematic Theology, Russian Islamic Institute;
e-mail: Tatiana-svetlaya@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Седанкина Т. Е. Роль теологии в возрождении подлинного призвания учёного // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. № 2. С. 153–168.
DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-153-168

FOR CITATION

Sedankina T. E. The Role of Theology in the Revival of the True Vocation of the Scholar. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2023, no. 2, pp. 153–168.
DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-153-168